

Живет в Цесисе (Латвия).

* * *

Умещается день между Tallinas, Matīsa, Bruņinieku.
Знаю город на вкус: Ādmiņu – вязкая putra, Tērbatas – крупный zirņi.
Я везучий мотор - человека везу к человеку.
Человек доверяет моим АБС и зимней резине,
Детским креслам, ремням изофикс, gprs...
У него невесомые пальцы, и я иногда теряю сцепление,
Затиhaю, иду накатом,
Ловлю на стекла шары заката,
Отброшенные витринными окнами, отбитые рельсами...
Отражаю эркеры, флюгеры, узкие каменные строения,
Оплетенные виноградом печных испарений.
Мне кажется, я стою, а мимо движутся стены
в ожогах разрухи - уходят в леса, чтобы стать руинами,
По Rūjienas iela, скрипя, ковыляют дома с головами совиными,

Gertrūdes покидают рыцари, дымя в свои ржавые трубы,
Последний ее квартал – драконова челюсть, из которой выдраны зубы.
На оставшихся - пломбы кафеля от сгинувших душевых
И оторванных перекрытий крестообразные швы.
За поворотом на Miera–провал между saulriets и временем фонарей.
Выдох мороза из паутины парка.
Выключается сердце, люди уходят, и я остаюсь во дворе:
С четырех сторон – цитадель, в углу – контейнер и узкая арка.

* * *

На вершине зимы темно.
Народу с первых автобусов пробирается много -
В толпе осьминогой, сумчатой никто тебя не узнает
на окраине, там, где стелла въездная,
за Привозом, за гаражами.
Ножами к горлу приставлены эти годы -
Девяносто первый, девяностой второй.
Встаешь в строй, что изгибается длинной петлей, вытянутой из города.
Дорого, всё невозможно дорого для простого советского человека
На склоне века, скользком, где не за что зацепиться.
Мы прячем от покупателей лица, поднимаем ворот, отходим в тень...
Деньги, базар, тряпки, позорный столб – и пойдешь докажи, что это не ты,
А эпоха рухнула с высоты.
Что ты по-прежнему живописец или поэт,
И этот рассвет за Колхозным рынком, за гаражами
Вонзается в пальцы ножами,
Когда поднимаешь с газеты турецкий товар,
И торг признаешь. На морозе главное скорость продажи, а не навар.

Однокурсник торгует новейшими книгами. Это куда благороднее.
А я – барахлом, но я всенароднее
И раньше него накоплю на козий свитер, связанный в Дагестане,
И станет немного легче расправить плечи под синтепоном.
И стоять на рядах даже немного с понтом.

- Привет!
Вот и самое страшное: старый друг. Поспешно вырубку прячу в кармане.
Делает вид, что относится с пониманием.
И говорит: а ты знаешь, что твой женился? Извини, если нет...
Слушай, а можно продать с твоей помощью блок сигарет?

Дорога домой напоминает каторжную литературу.
Прирастают ноги к ступеням, тень - к бетонным стенам,
в квартире плюс (а может, минус) тринадцать.
Вот и казнь за торгашескую авантюру.

Если такая вина существует и может вменяться.

Зато теперь всё равно, с каким дипломом, с какой фамилией становиться в продажный строй.

Девяносто первый, девяносто второй, эта яма-зима и в нее уходящие лица, лица
По кругу, воронкой базара, по склонам, где не за что зацепиться.

* * *

Мой камерный псевдороман

Стоит на террасе, укрытой дождем, снегопадом и яблокопадом.

Засилье ветвей, но пила в неумелых руках застревает,

Привычных писать или мыть, заточенных танцевать

По восточным узорам, иногда - по лицу-невидимке...

Мой сад, затонувший в дыму, подобрался ко мне и дышать не дает.

А ведь я совершаю попытку собрать достоверный сюжет

И уволиться из декораций чужого бездарного фильма

На террасе, укрытой дождем, снегопадом и яблокопадом.

